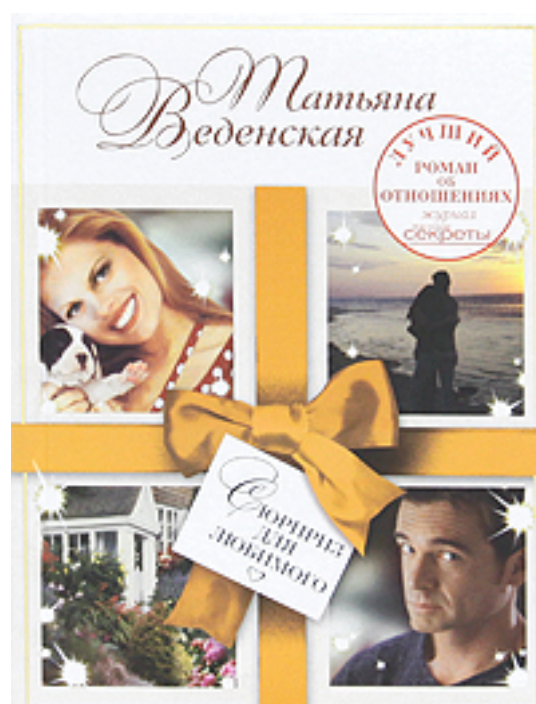

Татьяна Веденская Сюрприз для любимого

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=435325
Сюрприз для любимого: Эксмо; М.; 2009
ISBN 978-5-699-35571-6*

Аннотация

Юля Светлакова – домохозяйка со знанием английского языка и дипломом Суриковского института. Она красавица, умница, обожает мужа и детей и готова обслуживать их с утра до вечера. Только кто оценит ее старания? Муж? О да! Он уже оценил. Завел себе любовницу, а Юле сказал, чтоб привыкала к новой жизни, поскольку все равно от него никуда не денется. Что ж, он был прав, деваться Юле действительно некуда! Однако мир справедлив, и все в нем может поменяться в один момент.

Содержание

***	4
Глава 1,	5
Глава 2,	12
Глава 3,	18
Глава 4,	25
Глава 5:	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Татьяна Веденская

Сюрприз для любимого

Моему дорогому мужу

Татьяна Веденская блестяще расправляется с главными страхами женщин, ведущих домашнее хозяйство, – страхом быть вечной домработницей и страхом быть однажды отвергнутой супругом в пользу более молодой, авантюрной, преуспевающей и т. д. женщины. Автор предложила героине свой оригинальный вариант выхода из сложной ситуации. Неважно, что все немного похоже на сказку. Мы понимаем, что послание автора совсем в другом, а именно: каждая женщина даже в самой безвыходной, на первый взгляд, ситуации может найти свой собственный путь от отчаяния к успеху, от полного минуса к плюсу. Каждая женщина может быть счастлива, и все, что она делает, – это ее собственный выбор. Книга Татьяны – прекрасное лекарство от затяжной депрессии, потому что написана не просто со знанием дела, но и с тонким юмором, а это в наши дни большая редкость.

Кира Буренина,
главный редактор журнала «Лиза»

Глава 1, в которой я сильно жалею, что умею читать

21 мая, понедельник

Помыть окна

Закупить продукты

Девчонки

Дашка – сочинение!!!

Сделать маникюр

Витамины дать

Пиджак

На ужин – спагетти

По большому счету, все началось именно с этого списка. Впрочем, и без него, скорее всего, все началось бы. Только, возможно, позже. Но именно в тот день и именно с того списка, ничем особенно не отличающегося от других списков на сотни других дней, все и началось. С этим ясно.

Однако утром того дня я ничего еще не знала и даже не подозревала, а, наоборот, предвкушала солнечную погоду и приятный денек. Для миллиардов других людей, для всех жителей планеты, у которых есть работа, понедельник – день тяжелый. Я же человек не работающий. Хотя, естественно, мне было чем заняться, как и любой домохозяйке, имеющей мужа, двоих неаккуратных детей и большой дом, в котором за выходные успевали все перевернуть вверх дном. Но это же, как говорит мой муж, не работа: «Ты же все равно сидишь дома и ничего не делаешь». А настоящая РАБОТА выбита большими золотыми буквами в трудовых книжках трудового населения. У меня же трудовой книжки вообще не было, да.

В общем, был понедельник, и это означало, что я наконец-то снова предоставлена сама себе. Я подала всем полезный горячий завтрак, отвезла детей в гимназию и, конечно же, получила свой законный поцелуй в щечку: «Хорошего дня, дорогая». И вот все они наконец-то исчезли, оставив меня наслаждаться тишиной. Понедельник, я тебя люблю!

Итак, первый пункт. Вымыть окна. Я включаю музыку, первая попавшаяся радиостанция, на которой поет какой-то новенький мальчик, не помню его фамилии. Но мне нравится песня, и я оставляю ее. Я всегда мою окна в конце мая, потому что уже тепло и солнечно, и мне нравится лазать по подоконникам и следить, как вид из-за окна словно переселяется к нам в квартиру. Стекла исчезают, становятся невидимыми, а сочная майская зелень на деревьях проступает с особой ясностью.

– Красота! – подвела я итог.

В моей трешке имелось четыре окна, так что на все про все ушло не больше часа. Солнце грелось на лице. Я прикрыла глаза, мурлыкая от удовольствия, и подумала, что скоро уже можно будет начинать загорать. И от этой мысли, впервые посетившей меня после мучительно долгой пасмурной зимы (в последнее время они почему-то всегда такие), мне стало еще лучше. И к моменту, когда зазвонил телефон, я была мила, доброжелательна и дружелюбна.

– Алло? Я слушаю, – ответила я, все еще подставляя лицо солнцу.

– Светлакова? Ты? – раздался в трубке голос Машки, одной из моих подруг.

– А ты куда звонишь? – съехидничала я.

– Просто голос у тебя какой-то не такой, – фыркнула она.

– Какой – не такой?

– Ну...добрый какой-то. Ты там чем вообще занимаешься? Может, у тебя массажист завелся? И прямо сейчас мнет тебе бока.

– Ага. Массажист. Высокий стройный брюнет со смуглой кожей. И муж как раз тут накануне сошел с ума и все мне оплатил, – ухмыльнулась я.

Машка помолчала с минуту, видимо, обдумывая всю невозможность описанной ситуации.

– Значит, просто хорошо?

– Ага. Я окна помыла. – Мои губы сами собой расплылись в улыбке. Я люблю чистые окна.

– Ты псих. Кто же в понедельник моет окна? Это ж наш единственный, можно сказать, выходной! Ты помнишь, что мы сегодня перенесли все на два?

– Все я помню, – устало кивнула я, хотя на самом деле все забыла.

Обычно мы с девчонками встречаемся по понедельникам в три часа. Бросаем все наши хозяйственные дела, заваливаемся в какой-нибудь новый ресторанчик, чтобы попробовать какой-нибудь новой кухни, и посвящаем пару часов самозабвенному трепу. В жизни домохозяйки все прекрасно, кроме одного – все мы испытываем недостаток общения, явный болтательный авитаминоз. Мы компенсируем дефицит путем ежедневных телефонных инъекций, но этого явно недостаточно. Понедельники – наши болтательные дни. За это я люблю их. Так что понедельник – это самый лучший день в неделе. Но все-таки на сегодня у меня были еще кое-какие планы. Я надеялась сходить в магазин и успеть еще сделать маникюр до трех. Теперь придется перекраивать график. Или оставаться без маникюра.

– Вот и хорошо, что ты все помнишь. Любка нашла индийский вегетарианский ресторан, говорит, там совсем недорого. Только ехать надо аж на Белорусскую, так что давай сворачивай свой бесконечный трудовой подвиг.

– Я и так ничего не делаю, – буркнула я.

– Знаю я тебя, Светлакова. Пока все не перемоешь, не успокоишься. Давай-давай, руки в ноги. Пыль бесконечна, а жизнь коротка. Соевое рагу ждать не будет!

– А ты уверена, что это вкусно? – позволила я себе усомниться, но Машка уже повесила трубку.

Вот уже почти год, как мы завели эту традицию, подразумевая, что таким образом будем расширять и углублять свой собственный вкус. Вкусно не вкусно, а пробовать надо разное, чтобы потом лучшее делать у себя дома. Впрочем, девчонки особо не заморачивались готовкой, а просто наслаждались понедельничной жизнью. Но соевое рагу... Вечно Любка выдумает что-нибудь несусветное.

Я нацепила джемпер, в который раз порадовавшись, что больше нет необходимости в теплой куртке, и отправилась в магазин.

Перетаскивание тяжелых сумок – не самая приятная часть жизни домохозяйки, но в моем случае при всем богатстве выбора никакой другой альтернативы нет. На фиг, на фиг, к терапевту. Чтобы заставить моего мужа донести хоть одну сумочку из супермаркета, надо убить целый день и кучу нервов. Намного проще все делать самой. Хотя я не оставляю попыток, я очень старательная и целеустремленная. Каждый выходной, когда считается, что Леша дома и должен как-то участвовать в семейных делах, я пытаюсь заставить его сделать хоть что-нибудь – вынести мусор... Но чтобы Леша его вынес, я должна провести серию подготовительных манипуляций.

– Юля, поставь ведро у входа и переложи мусор в большой пакет. Я буду идти и захвачу с собой.

– А что, до этого я буду без ведра?

– Но нельзя же оставлять пакет на полу. А вдруг он протечет?

– Мы живем в доме с мусоропроводом. Может, ты просто пойдешь и выкинешь его? Просто достанешь пакет из ведра и выкинешь? А? Как тебе план?

– Вечно ты все усложняешь! – скажет Леша и с та-а-ким мученическим лицом потащит пакет (двумя пальцами), что, по его логике, меня при одном взгляде на него уже должна насмерть замучить совесть. Но поскольку моя совесть часто барахлит, Лешка, дабы неподвально было, обязательно рассыплет мусор по коридору да еще набросает его около мусоропровода. – Я все сделал! – героически произносит он. – Ты только там прибери теперь.

– Что? Опять? – Мне остается только развести руками. Лучше уж выносить мусор самой, чем отдраивать после мужа коридор.

Примерно та же история выходит и с покупкой продуктов. Да, семья у нас большая, и вкусно поесть любят все. Мужу и в голову не приходит спорить со мной в части того, что хрупким, слабым женщинам вредно таскать по десять пакетов в каждой слабой ручке. Он с этим согласен, как согласен и с тем, что должен хоть в чем-то мне помогать. Но если уж он возьмется за покупки (раз в год), то вместо продуктов из списка принесет такое! Например, вместо помидоров, которые так и значатся в списке как «помидоры – полкило», принесет банку маринованных зеленых помидоров.

– Что это? – в немом изумлении спрашиваю я.

– Как что? Помидоры.

– Но они же соленые. И зеленые.

– А тебе какие нужны?

– Свежие.

– Ты не написала, – резонно замечает он.

Я замолкаю, я даже не знаю, что сказать. Он приносил вместо молока соевое молоко. Вместо картошки приносил замороженный картофель фри, который вообще нельзя есть ни в каком виде, потому что, кажется, он делается в порядке конверсии и изначально, наверное, являлся биологическим оружием, выпущенным вместе с ножками Буша. Леша приносил вместо гречневой крупы пшено, а вместо манки крахмал. А на все мои вопли и сопли отвечал:

– Тогда не надо меня просить. Не нравится – ходи сама!

Вот так-то. Что я, в общем-то, и делаю. Снова налицо победа мужского интеллекта. С таким упорным неумением читать списки, написанные по-русски, я справиться не могла. В общем, и на этот раз пришлось жертвовать маникюром. Потому что не сходить в магазин я не могла. На ужин я собиралась приготовить спагетти, а для мясного соуса, как известно, необходимо мясо. И, естественно, вместо того чтобы делать маникюр, я побежала в магазин. Мои домашние на мои руки не смотрят, зато смотрят в тарелки, и, между прочим, очень внимательно.

К двум часам, когда я явилась в обозначенное место на Белорусской, я испытывала легкий укол совести относительно маникюра, но зато в остальном мой список двигался со здоровой динамикой. Витамины детям я дам после школы, потому что на завтрак я их дать забыла. Пиджак мужа я уже забросила в машину, сдам его в химчистку по дороге из школы. А спагетти – плевое дело, когда есть все продукты. Да, я смело могла расслабляться. Мое бытие, «ты все равно сидишь дома и ничего не делаешь», текло привычным темпом.

– Светлакова, ты почему опаздываешь? – строго спросила Машка, поджидавшая меня у входа в пресловутое индийское вегетарианское место. Вывески заведение не имело, скорее всего, оно было, так сказать, «для своих». Что ж, тем интереснее.

– Я не опаздываю, – обиделась я. – Я задерживаюсь. Пробки.

– В метро? – скептически уточнила она.

– Да. В метро все прекрасно, но до него еще надо доехать, – возмущенно повела я плечами. – Ну, где тут подают соевое рагу?

– Наверное, девки уже все съели без нас, – попыталась напугать меня Машка, но я только пожала плечами.

В целом к соевой еде я была равнодушна. На эти встречи я приходила уж точно не для того, чтобы пожрать.

– Юлька, ну, наконец-то! – победно улыбнулась Любка, толкая в бок сидящую рядом с ней Карину. Вся наша теплая четверка была в сборе. Понедельник – уик-энд домохозяйек.

– Кариночка, привет, как ты? Как муж, дети?

– Юлька, ты что, похудела? – Это от Любки. Ей кажется, что такой вопрос – самый лучший комплимент.

– Да ни хрена она не похудела, – вмешалась Машка, плюхаясь рядом со мной.

– А ей и не надо. Ей и так хорошо, – поддержала меня Карина.

Моя внешность – это мой больной вопрос. Мне, как, впрочем, и огромному большинству домохозяйек, до идеала не хватало совсем чуть-чуть. Чуть-чуть похудеть, чуть-чуть поухаживать за собой, чуть-чуть больше времени проводить на свежем воздухе и чуть-чуть меньше с ведром и шваброй в руках. И могла бы получиться почти королева.

– Это тебе не надо, – строго заметила Машка нашей худенькой, малозаметной Кариночке. – Тебе надо больше есть. А ей бы не помешало начать посещать фитнес какой-нибудь.

– Маш, ты бы тоже там была к месту, – аккуратно вставила я. Нельзя давать Машке волю, а то она враз всех захочет сделать счастливыми. И тогда вообще неизвестно, чем это все кончится.

– А я почему ем? Почему? Потому что муж меня не уважает! – заявила она, набив рот индийским десертом, похожим на манную кашу с большим количеством сгущенки.

Я поняла, что Индия – не моя страна, еще на соевом рагу. На десерт я даже не посягала. А вот Машке очень даже нравилось.

– Мужья никогда и никого не уважают! – заявила вдруг Кариночка, даже покраснев при этом.

– Ну... почему... Вот мой-то вроде бы... – проямлила Любочка.

– Твой просто тебя боится. Потому что если ты разведешься с ним, то начнешь кричать и беситься. В глубине души все они считают нас просто лентяйками. Надо признать, что каждый из них уверен в этом до глубины души, – хлопнула кулаком по столу Маша.

– Лично мой ценит только деньги, – как бы вскользь заметила я. – Если ты получаешь кучу денег, то ты – человек. Даже если ты эту кучу, к примеру, просто украл. А без кучи ты никто.

– Нормальная мужская психология, – кивнула Любка. – Мой вообще всех делит на «полных придурков» и «надо же, у него последний «Мерседес».

– Но у него-то самого старенький «фолькс»? – резонно возразила Машка.

– Ага. Но он-то вне конкурса. И потом, во всех его бедах, вы знаете...

– Виновата ты!

– Вот именно, – махнула рукой она.

– Если бы вы только знали, как мне иногда хочется раздобыть где-нибудь эту самую кучу денег и швырнуть их мужу в лицо, – вдруг неожиданно даже для самой себя заявила я. – Чтобы он перестал смотреть на меня свысока, как на дуру бессмысленную. А он вообще на меня не смотрит. Мне кажется, я для него вроде бытового прибора.

– Ну что ты такое говоришь? – перепугались все. – Ты же – золото. Да за такую жену многие Родину продадут.

– Ага. И окна помыла, и продукты-то ты наверняка купила. И вообще, умница, красавица, комсомолка... Да что бы они понимали! Ты же вообще мечта! – с готовностью пропела хвалебную Карина.

– Да, я не спорю, – ухмыльнулась я. – Я отличный бытовой прибор. Японский, наверное.

– Когда я на тебя смотрю, меня начинает мучить совесть, – заявила Каринка. – Я не делаю и половины того, что делаешь ты. А у меня только сын, и все.

– Зато у тебя есть маникюр, – я кивнула на ее руки. Красивые розовенькие коготки, как раз такие я себе и не успела нарисовать.

– Так, заканчиваем. Никогда мужики не ценят того, что имеют. Но других-то все равно нет, так что...

– И все-таки тут есть и объективные причины, – задумалась я. – А разве нет? Мы с Лешкой женаты уже двенадцать лет, и иногда мне кажется, что я слишком хорошо его знаю. Я могу наперед сказать, какие шутки он будет шутить на пьянках, на каком боку он храпит, а на каком только сопит. И куда он капнет кетчуп, который я потом буду отстирывать. Скука! А вдруг и он тоже все-все знает про меня? Или думает, что знает, потому что на самом-то деле я – инопланетянка.

– Ага, с Венеры, – усмехнулась Любка. – А мой вообще больше меня не замечает. Он меня любит? А люблю ли я его? Я стараюсь больше об этом не задумываться, потому что... какое это теперь имеет значение. Когда-то все было по-другому.

– Когда-то и трава была зеленее. Ладно, чего там, – попыталась остановить ее Карина. А Машка отвернулась к окну и пробормотала:

– А у меня секса не было уже два месяца.

– Да ты что! – ахнули мы хором.

– А то. Говорит, что устает очень.

– Может, и правда?.. – сочувственно пробормотали мы.

– Девки, кому еще десерт? – Любка широко улыбнулась, чтобы замаять как-то этот разговор.

– Не хочу я десерта, – расстроилась Машка. – Зачем вы завели этот разговор?

– Это все Юлька, – с готовностью подставили меня подруги.

Я округлила глаза.

– Да ладно тебе. Все будет хорошо. Муж тебя любит, просто уже возраст, все такое. У нас все тоже по-разному бывает. – Я принялась ее утешать. Хотя два месяца – это, конечно, серьезно. Очень серьезно.

– А может, нам и вправду записаться на фитнес? – робко предложила Карина. – А что, представляете, пройдет пара месяцев, а мы такие стройные, ухоженные, загорелые. Мужики на нас пялятся, а мы – королевы. Никого не замечаем.

– Ага, мечта, – вздохнула я. – Только что-то я сомневаюсь, что Лешка мне на это денег выделит. Скорее он скажет, чтобы я включила спортивный канал и делала зарядку вместе с ведущим. Видели, по утрам крутят такую дебильненькую зарядку? Раз-два, раз-два!

– За пару месяцев королевой не станешь, – грубо подвела итог Машка. – Давайте этот ваш десерт.

– Но надо же как-то нервы приводить в порядок. Говорят, что занятия спортом снимают стресс.

– А знаете, как я снимаю стресс? – поделилась я. – Закрываю глаза и думаю, что я – вообще не я, а совсем другая женщина. И мне не тридцать пять, а двадцать. И я живу на море, в красивом доме, как с рекламы Турции. Сижу и слышу шум прибоя. И так не хочется возвращаться, так бы там и осталась.

– Дом на море – это нереально. Надо быть реалистами. А про два месяца... Тут одно из двух – или проблемы со здоровьем, или... – задумчиво проговорила Любка.

– Достаточно и первого, – оборвала ее Машка, лопая вторую порцию каши со сгущенкой.

Вариант номер два – что у него завелась ДРУГАЯ – это самый страшный сон. Вернее, самая страшная явь, которая только и может с нами, женами-домохозяйками, случиться. И об этом не то что говорить, даже думать было строго запрещено.

– Да-да, сходите к врачу, – радостно закивала Карина.

Возникла сытая напряженная пауза. Я почувствовала, что на сегодня с меня хватит. Что-то сегодняшняя встреча совсем не прибавила мне оптимизма. Ощущение солнышка, целующего меня в щечки, куда-то делось, пропало. Я засобиравлась домой.

– Так, ладненько. Сколько там с меня? А то мне еще девчонок забирать из школы.

– А зачем ты возишь их так далеко? Отдала бы куда-нибудь рядом с домом и не мучилась, – заявила Любка.

Я пожала плечами. Гимназия, куда ходили мои дочери, была не так уж далеко от дома. На машине всего минут пятнадцать. По пробкам двадцать. Не очень далеко, но и пешком не дойдешь, однако это была лучшая гимназия в нашем округе. Да к тому же с языковым уклоном. Я сама в детстве получила прекрасное образование, так что теперь просто желала того же самого для своих детей.

– Ладно, будем на связи, – кивнула я, расцеловала всех и отправилась в обратный путь. Мне осталось сделать с Дашкой, моей старшенькой, сочинение. Приготовить спагетти и сдать в химчистку пиджак мужа.

Следовало признать, что, несмотря на все мои претензии, у нас с Лешкой был действительно по-настоящему крепкий брак. Он был технологом в одной крупной пищевой фирме, руководил производством разного рода пельменей и колбас. Хорошо зарабатывал, два раза в год вывозил нас с семьей на отдых в Турцию или Египет. Любил дочерей, хотя это выражалось скорее в праздных разговорах с друзьями, чем в чтении сказок или походах в парк. Но... никто не без недостатков, никто не идеален. Лешка занимался работой, работой и еще раз работой, предоставив мне тянуть на себе дом.

– Лиля, Дашка, посидите-ка в машине. Я зайду в химчистку, – приказала я дочкам, устало дремавшим на заднем сиденье моей старенькой «восьмерки» в окружении портфелей и кульков со сменкой. – Я скоро, только не открывайте двери, а то машина заорет.

– Хорошо, – вяло ответили дочери.

Между ними было всего два года разницы, они родились почти погодками, и это на первых порах создавало мне кучу сложностей. Это было почти как с близнецами, зато теперь их проблемы и даже учебные задания были очень похожи. Удобно.

Я добежала до магазина и свернула к павильону химчистки, надеясь, что там не будет народу. Народу там не было, но была одна медлительная старушенция, которая сдавала в чистку весь свой зимний гардероб. Я стояла и смотрела, как с одной стороны стойки на другую перекачевывают разные пальто и дубленки. И думала, что мне тоже надо бы, по хорошему, собрать зимние вещи и принести их почистить, чтобы они не висели все лето грязными в шкафу. Я уже совсем собралась записать это в завтрашний список, как тут приемщица окликнула меня:

– Женщина, у вас только одна вещь?

– Да, пиджак.

– Вы карманы проверили? Давайте-ка его сюда, а то тут я еще долго буду оформлять.

– Сейчас! – обрадовалась я. – Тут всего два кармана. Ой! Телефон.

В моих руках оказался мужнин рабочий сотовый телефон. У него, как и у многих сейчас, существовало два сотовых аппарата. Один для собственного, домашнего, так сказать, пользования, а другой – вот этот, дешевый, корпоративный, был выдан фирмой, где он работал. Алексей, приходя с работы в пятницу, забывал о своих должностных обязанностях до понедельника, а чтобы его никто не беспокоил, ставил рабочий телефон на бесшумный режим.

– Опять забыл. И небось ищет весь день, – всплеснула я руками. Надо было ему позвонить, сказать, что телефон у меня, что я, собственно, и собралась делать, когда приемщица снова меня одернула:

– Так вы пиджак-то сдаете?

– Конечно, – кивнула я, подсовывая ей пиджак одной рукой и снимая блокировку с клавиш другой. – Вот.

– Подождите минуту, – буркнула она, склонившись над квитанцией.

А я совершенно случайно, даже не посмотрев на дисплей, вместо того чтобы нажать номер мужа, открыла сообщение, которое висело, оказывается, на экране. Совершенно, совершенно случайно. Как хорошая жена и умная женщина, я никогда не лезла дальше, чем надо, и вообще никогда никуда не лезла. Зачем мне нужны все эти неприятности? Я вообще не собиралась открывать сообщение. Я хотела только позвонить мужу, сказать, что его рабочий телефон у меня. Чтобы он не волновался. Но я случайно нажала не туда, и передо мной со всей неотвратимостью открылась коротенькая эсэмэска:

«Когда твои дармоеды отчаливают в Турцию? Скучаю ужасно, зато купила новое белье. Не хочешь взглянуть? Твоя Н.».

– С вас триста рублей, – откуда-то издали окликнул меня чей-то незнакомый голос.

Я даже не сразу поняла, что эти слова адресованы мне. Я дернулась, попыталась сбросить непонятное оцепенение, охватившее меня, но руки слушались плохо. Я чувствовала пустоту и какой-то странный холод в области солнечного сплетения.

– С вас триста рублей! – нетерпеливо повторила приемщица. Ее мир не разваливался на куски, у нее шел обычный рабочий процесс. Это я стояла и не могла собраться обратно во что-то целое.

– Да-да, сейчас. Вот, – еле слышно пробормотала я, расплатилась и, с трудом переставляя ноги, поплелась к машине, зажав в руке уже совершенно ненужную мне розовую квитанцию. В голове осталась только одна странная мысль, что лучше бы это не у Машки, а у меня с мужем ничего не было последние два месяца. Лучше бы у нее, а не у меня... Только у меня «это самое» было еще вчера ночью. Но теперь этот приятный факт, говорящий об исключительном физическом здоровье моего сорокатрехлетнего мужа, заставил меня вдруг поежиться от отвращения.

Глава 2, которая учит, что воздух не чувствуешь, только пока его кто-нибудь не испортит

23 мая, среда

Стирка

Ванна + туалет

Сделать маникюр

Лильке новые кроссы

Деньги за обеды

Танцы

Ни о чем не думать!!!

Итак, оказывается, мой муж – все еще не прочитанная до конца книжечка. Он вообще, кажется, книжка библиотечная. Во всяком случае, не я одна читаю этот фолиант (со слегка морщинистым лицом, хоть и симпатичным, и внушительным брюшком). Есть, оказывается, что-то, чего я не знаю о его личности. Что ж, сенсационный поворот нашей совместной биографии! Теперь жизнь перестанет быть скучной! Разве не так? Сколько всего нового я узнала, и ведь все это может изменить и разнообразить скучное течение моей жизни. Только вот вопрос: готова ли я к переменам?

Готова ли я? Да, это тот самый вопрос, который зазвенел в моей голове в тот самый момент, когда черт дернул меня прочитать СМС. Странно, что этот, ведь можно было бы задуматься и о другом. Например, о том, как Лешка мог так со мной поступить? Или о том, почему я ничего не замечала раньше? По поведению мужа или другим косвенным признакам. И давно ли это началось? И что он в ней нашел, чего нет у меня? Или, может быть, я все не так поняла и это было обычное деловое сообщение, которое ему прислал сослуживец? А что, такой вариант мне нравился даже больше. С ним было легче все забыть, выкинуть из головы, не вдумываться. Объяснить все стечением обстоятельств, каким-то недоразумением.

«Дорогой, ты забыл свой телефон в кармане пиджака. Я положила его на тумбочку. Кстати, ты не купил хлеба?»

«О, а я его весь день искал. Мне звонили?»

«Не знаю, он, кажется, отключился. Наверное, кончился заряд».

Какой бы был отличный диалог, и можно было бы дальше жить-поживать да добра наживать! Но к переменам, кажется, я была не готова. У меня было много дел. Надо было закончить детскую учебную четверть без троек. Надо было возить на танцы Лилу, у нее скоро конкурс, и необходимо было еще сшить к нему костюм. Не каждый ребенок в девять лет попадет на конкурс бального танца, так что следовало постараться и сотворить чудесный костюм. И потом, я действительно собиралась скоро с детьми в Турцию на три недели, а муж (какой добрый, просто добрячок!) заботливо выкупил нам путевки в прекрасный семейный отель, не пожалел денег и вовсе сокрушался, что никак не может поехать с нами. И все это только для того, чтобы остаться с этой «Н.»? Кто она вообще такая, эта «Н.», откуда взялась на мою голову? Как вообще такое могло произойти со мной? Этот вопрос не выходил у меня из головы весь вчерашний вечер. Если быть до конца честной, он один занял всю мою голову, не оставив там места ни на Дашкино сочинение, ни на спагетти «Болоньезе». Дашка даже не поверила своему счастью. Она несколько часов тихо сидела в своей комнате, старательно придумывая отговорки, чтобы не писать сочинение «Гагарин и влияние первого полета в космос на наш мир». А я даже не зашла к ней ни разу. Я сварила пельмени (какой кошмар, и

это детям!), пробормотала что-то мужу про головную боль, старательно избегая его взгляда, и забилась в уголок гостиной, на диване. Муж заботливо (сволочь!) прикрыл мне дверь и выключил свет, потому что при мигренях я не выношу света и он прекрасно об этом знает. В итоге я так и уснула на диване, а Дашка прилепала ко мне уже в половине одиннадцатого.

– Мам, – тихонько прошептала она. – Ты как?

– Я в порядке, – еле слышным голосом ответила я. Слезы предательски капали из глаз, но темнота – друг не только молодежи, но и рыдающих женщин.

– А что с сочинением-то мне делать?

– Мне все равно. Делай что хочешь, – устало вздохнула я. – Только меня сегодня не трогай.

– Ладно, – изумленно согласилась она и тихо-тихо закрыла дверь, чтобы не побеспокоить меня ни одним лишним звуком.

В общем и целом семья убедилась, что у меня начался страшный приступ головных болей, на чем и успокоилась. А я лежала, старалась ритмично дышать и постепенно проваливалась в тяжелый беспокойный бред. Кажется, выдуманная причина вскоре стала приобретать реальные черты, моя голова зазвенела от настоящей боли. Или мне это приснилось? Я не очень понимала, что чувствую, я в общем-то совсем ни о чем не думала. Я вспоминала, что когда-то давно у нас с мужем была большая любовь. Он не был красавцем в классическом смысле этого слова (кто вообще понимает, что это значит?), но у него было симпатичное, очень подвижное лицо. В молодости он отличался какой-то суетливостью, но это только из-за того, что он старался успеть сделать десять дел сразу. И надо сказать, у него это получалось. И он очень много шутил. Очень много. Он всегда был выдумщиком. Я помню, как на нашей первой квартире, на пятом этаже в маленькой однушке-хрущевке, сосед снизу невыносимо курил в окно. Прямо-таки высовывался весь по пояс в окно, гад, чтобы не дымить в квартире. И весь дым, естественно, шел к нам, а я как раз тогда была беременна Дашкой, так что совсем не переносила табачного дыма.

– Может, с ним поругаться? Может, заявление написать? Ну, он же наносит этот... ущерб, – возмущалась я, в очередной раз выветривая злосчастный дым, а Лешка только сосредоточенно грыз ногти. Все попытки поговорить с соседом по-хорошему кончались браблем и криками: «Я у себя дома буду делать, что пожелаю». А однажды Лешка приволок домой... что бы вы думали? Кормушку для птиц. Да-да, такую большую, громоздкую штуку с жердочками и желобками для зерна.

– Тише едешь, дальше будешь, – заявил он и на следующий же день повесил ее, подмигивая мне и хитро улыбаясь. Что же дальше? Дальше птички быстро смекнули, что у нас открылся халявный стол, и прилетали к нам столоваться всей толпой. Голуби, воробьи, вороны... Надо сказать, в Москве тогда было гораздо больше птиц. И постепенно, день за днем соседский подоконник согласно всем законам физики был заляпан птичьим пометом по самое «не балуйся». Что тут началось!

– Уберите немедленно вашу дрянь! Весь карниз заляпали! – возмущался сосед, старательно вытирая грязь.

– Мы у себя дома птичек кормим, и вообще, природу надо любить, – флегматично замечал мой муж, чем доводил соседа до бешенства.

А через пару недель сосед выбросил белый флаг. В обмен на обещание не курить в нашу сторону он потребовал перевесить птичью столовую на дерево во дворе.

– Не вопрос, – невозмутимо кивнул мой Лешка, и они ударили по рукам.

Как мы тогда смеялись! Как много я вообще с ним смеялась. Если честно, то и сейчас, несмотря на его живот и частичное отсутствие волос на затылке, я все еще люблю его. Люблю?! Но теперь-то это не имеет никакого значения. Теперь-то у него есть какая-то «Н.», а меня можно оставить плакать в гостиной.

Я закрыла глаза и отвернулась к стене. Надо как-то отвлечься, расслабиться. Никто не говорит, что я прямо сейчас обязана принимать какое-то решение. Если оно вообще есть, это решение.

«Надо представить ЕГО», – подумала я, прорисовывая перед глазами детали.

Белые каменные стены, большие окна, которые распахиваются прямо на утренний бриз. Ситцевые цветастые занавески в деревенском стиле слегка покачиваются от ровного теплого морского бриза. Я слышу шум волн. Я вижу бесконечную голубую синеву, переливающуюся солнечными искрами. Кругом бескрайнее тепло и свет, каждая клеточка моего тела чувствует это тепло и свет.

«Когда уезжают твои дармоеды?» – вдруг отчетливо раздалось в моей голове. Да, в этот раз мне не мог помочь даже спасительный домик у моря. Почему это мы – дармоеды? Он что, действительно так думает? Для человека, задарма получающего свой хлеб, я слишком много работаю, слишком сильно устаю. Дармоеды. Надо же было такое написать!

Я открыла глаза в 6.30, как всегда вот уже много лет подряд. Теперь уже мне для этого не был нужен даже будильник, хотя я по привычке все равно каждый день заводила и заводила его, но всегда открывала глаза на пять минут раньше звонка. Машка говорит, что это и есть то самое внутреннее программирование. Она верит, что мы вообще все программируем в своей жизни. Тогда я хотела бы запрограммировать удаление некоторых файлов.

– Дашка, подъем! Лил, не делай вид, что ты меня не слышишь, вставать пора. Зубы чистим при мне.

Я совершала привычные утренние дела, улыбалась, варила кофе, делала сэндвич для мужа и кашу девочкам. Я даже выслушала все мужские новости о политике. В мире все еще решали, кто же крайний в пресловутом финансовом кризисе. Сходились на том, что во всем виновата Америка. Это было правильно, потому что ей (Америке) было на это наплевать, она была далеко и занята какими-то своими делами. У нее вообще уже был вечер и рабочий день кончился. А нам так было проще мириться с ростом цен и безработицей.

– Ты где будешь ужинать, дома? – по привычке спросила я, когда Лешка закончил излагать политический прогноз на неделю.

– Даже не знаю. Я позвоню, – ответил он, кажется, даже не задумавшись, о чем я спросила.

Я вдруг подумала, что сейчас могу с точностью до минуты сказать, как и что будет делаться дальше. Он поинтересуется, как дела у девочек в школе, но, если я вдруг и действительно стану ему об этом рассказывать, он моментально отвлечется, начнет копаться в портфеле или потеряет ключи от своего «Мицубиси», а я начну злиться.

– Я уже опаздываю, поговорим вечером, ладно? – Он нетерпеливо крутил брелок. – Девочки, быстро в машину! Мне нельзя задерживаться.

– Ладно, – вздохнула я. Аргументы о работе работают всегда (каламбурчик). Он – кормилец, он – добытчик. Его нельзя нервировать. Правда, сегодня мне очень-очень хотелось его понервировать. Хоть немного.

– Пока-пока.

Муж небрежно целует меня в щеку, думая о чем-то своем, а я вспоминаю, что когда-то между нами всегда была острая связь. Нас тянуло друг к другу, словно внутри каждого был магнит, сопротивляться которому было невозможно и изнурительно. Иногда, когда Дашка и Лилия были в садике, он брал меня с собой, катал по городу на машине, и мы разговаривали. Или просто сидели рядом и молчали, иногда касаясь друг друга руками или коленями. Тогда у нас была только «восьмерка», и нам хотелось просто провести день рядом, вместе. Сейчас... сейчас, возможно, он только и ждет, когда доберется до работы и притянет к себе другую женщину, в которой, наверное, какой-то другой магнит.

– Что ты решила? – спросил меня он, стоя в дверях.

Я вздрогнула, подняла на него глаза. Я не поняла вопроса. О чем это он, он же ничего не знает? Я же не говорила. То есть это я ничего не знаю, не должна ничего знать.

– Что? – Голос дрожал, не слушался.

– О моем приеме. Ты сможешь тут все организовать? – нахмурился он.

Ах да, он же хотел устроить прием в честь какого-то контракта, который заключил на пару со своим шефом. Что-то там связанное с запуском каких-то новых пельменных линий. Мой муж, который никогда в жизни не станет есть пельмени, делает их для народа, причем в немыслимых количествах.

– Не проблема. Когда?

– В воскресенье.

– Ладно, – я пожала плечами.

Я ведь действительно все решила. Я буду молчать. Да, это невыносимо, да, противно. Когда я смотрю на него, такого уверенного в себе, все еще достаточно молодого и полного сил (даже более чем), я понимаю, что надо все делать по-другому. Надо взорвать какой-нибудь мост, просто так, криком. Надо визжать на ультразвуковых частотах, чтобы разлетелась в осколки вся наша посуда. Надо вышвырнуть его из дома и потребовать развода. Надавать ему пощечин. Найти и разорвать на куски эту его «Н.». Но...ничего этого я делать не буду. Вообще ничего. Буду готовиться к приему. И знаете, почему? Потому что сегодня утром я проснулась и поняла, что сама по себе моя семья мне нужнее, чем любовь мужчины, который спит со мной рядом уже более двенадцати лет. Вот это я как раз готова потерять, но... есть еще мои девочки, есть привычный жизненный уклад и еще много чего. Ради всего этого стоит остановиться и не спешить с резкими телодвижениями. А как же наш дом, празднование Нового года, семейные праздники, на которые приезжают друзья, мои родители? Им, кстати, Лешка никогда не нравился.

«Он тебе не пара, – ворчал мой папа, к слову сказать, интеллигентнейший и добрейшей души человек, всю жизнь преподавал филологию. – Он простой и ничего про тебя не понимает».

«Он простой, да. Но что в этом плохого? Он смешной».

«Да уж, ухочешься», – кривилась мама.

У них с папой всегда было одинаковое мнение – папино. Всю жизнь.

«Я его люблю».

«Это-то и проблема. Я это вижу и сам», – вздыхал папа.

А потом я забеременела, папа с мамой попеняли на жизнь, да и забаббахали нам свадьбу, а в качестве свадебного подарка преподнесли нам ключики от хрущевки, оставшейся от моей бабушки, папиной мамы. Как же там было хорошо! Мы прожили там почти пять лет, пока не переехали в квартиру побольше. Но и потом, после хрущевки, когда Лешка уже начал подниматься на ноги (странная фраза, более подходящая к младенцам, а не к взрослым серьезным мужчинам), все было очень хорошо. Он любил девочек, я любила девочек, мы любили друг друга. Я занималась домом, он занимался тем, чтобы этот дом был – полная чаша. Я организовывала вечеринки, он на них шутил и развлекал народ. Когда он на меня смотрел, я чувствовала себя красавицей. Когда-то ведь он постоянно на меня смотрел. Мы всегда были не разлей вода, вот только я забыла, в какой момент в нашей постели появилась эта «Н.». У меня муж гуляет, а я почему-то думаю только о том, что скажет мой папа.

«Я же говорил!» – скажет он, а дальше я услышу его короткий огорченный вздох. И ладонь на кармане рубашки, той, в области сердца. Нет уж, к этому я вообще не готова. Папино сердце надо беречь, а то, не дай бог, опять... Да о чем я, он, скорее всего, вообще промолчит, чтобы не ранить мои чувства, однако... так будет еще хуже. Нет. Я ничего не буду делать. Ничего не стану менять. У меня есть семья, я хозяйка дома, в котором я очень нужна и в котором мне очень хорошо. И подумаешь, мой муж спит с другой. И что, мне из-

за этого рушить свою жизнь? Остаться одной, без средств к существованию, без мужа, но с двумя детьми? А разве это будет справедливо, если виноват он, а развалится МОЯ жизнь? Нет уж, я надену на себя улыбку, как стальное забрало, через которое не пройдет ни одна стрела. Что там по списку? Стирка? Ванна и туалет? Где мои перчатки?

Я терла и скребла свой дом, гладила и раскладывала по шкафам вещи, пытаюсь прикинуть, смогу или не смогу жить с окаменевшей душой. И если не смогу, то через сколько закричу и забьюсь в истерику. Причем обо всем этом я думала как-то отвлеченно, как о ком-то со стороны. Как о Машке или Любке. И о том, что бы я посоветовала им в таком случае. Из нас четверых об измене мужа знала только Карина. Это произошло несколько лет назад, и он совсем слетел с катушек. Мог неделями дома не ночевать. Позвонить и реально предложить Каринке «самой что-нибудь придумать».

– Вот подонок! – зверела Машка. Ее стремление срочно действовать, мощное и полное, как Волга по весне, разбивалось о ледяное спокойствие Карины.

– Я все придумаю. Я все перенесу. Не лезьте, – твердила она, отворачивалась от нас или просто отводила глаза.

Мы даже какое-то время не общались. Во-первых, чтобы действительно не мешать, а во-вторых, я остро чувствовала, что не нужна ей и никто из нас не нужен. А потом, где-то через полгода, раздался звонок, и Карина как ни в чем не бывало, тем же самым своим обычным мягким голосом пригласила нас с Лешей на день рождения своего мужа Бориса. Мы пришли. И Машка пришла. И Любка. И все улыбались и делали вид, что ничего не было. Все все знали. И мы, и муж, и Карина. Но на столе стояло Каринкино коронное сациви, наши дети весело носились по квартире, а Каринкин Боря весело щебетал о русском особенном пути с моим Лешкой.

– Сечешь? – подмигнула мне Машка.

– Чего? О чем ты?

– Как будто ничего не произошло. Борька как новенький. Может, она его в химчистку сдавала?

– Возможно, – улыбнулась я, – главное, что Карина счастлива. Вроде как.

– Вот именно что «вроде». Эх, дуры мы, дуры, – горестно вздохнула Машка и пошла улыбаться мужикам. Раз уж у нас у всех все так хорошо.

И вот теперь, отмывая семейный унитаз, я стояла и думала: а я-то сама как долго смогу быть «вроде как счастлива»? Смогу ли я, как Каринка? Надо смочь, если я тоже хочу, чтобы все было хорошо. Она вовремя смогла сдержаться, потому что она умная женщина. И отчасти потому что у нее вообще нет никакого образования и профессии. Чистая домохозяйка.

А я что – другая? Да, когда-то папочка потратил кучу сил и средств, чтобы я получила прекрасное образование. И я была – была его солнышком, рисовала акварелью, училась в Суриковском. Он считал, что у меня есть талант и какие-то там надежды. Прошло столько лет, что я почти ничего уже не помню. Хотя, наверное, смогу нарисовать акварелью простенький пейзаж. Но двенадцать лет! Я домохозяйка вот уже двенадцать лет. И вообще, кому нужны в нашем капиталистическом обществе акварельки? Иллюстрировать сказку про Колобка разве что. Я от дедушки ушел, я от бабушки ушел, я от жены ушел... Каринка давно успокоилась, значит, успокоюсь и я. Хорошо бы поговорить с ней, она-то знает, она-то сможет сказать мне, как, когда и каким образом будет у меня ехать крыша. А в том, что она будет ехать, сомневаться не приходилось.

Когда Лешка вечером вернулся домой (около девяти вечера), я неожиданно для самой себя устроила ему скандал. Вообще-то я скандалов не устраиваю. Почти никогда. Спокойствие кормильца – наша главная задача на все времена. Но тут просто что-то случилось со мной. А всего-то и делов-то, что он прошел в грязной обуви в ванну и начал полоскать в раковине какую-то грязную тряпку.

– Что ты делаешь? – тихо, сжав зубы, спросила я.

– Что? А, номера надо протереть, – через плечо бросил он.

– А нельзя было ботинки снять? – еще тише спросила-потребовала я.

– Нельзя, – нахмурился он.

– И почему?

– Мне надо обратно вернуться, завтра времени не будет. И не злись, пожалуйста.

– Не злись? – совсем тихо уточнила я. – То есть то, что я тут час на коленях все отмы-
вала, что я эту самую раковину, которая опять черная как сажа, отмыла добела, – это не
важно? Это не считается? Тебе лень ботинки снять, а я должна снова тут все драить?

– Что с тобой такое сегодня? – расстроился он. Вечер не обещал быть томным.

– Я даже не успеваю маникюр себе сделать, только и драю тут все, а ты...

– Так не драй! – рявкнул он. – Кто тебя просит все тут полировать, мы бы пережили,
если бы ты хоть разок оставила все тут в своем виде!

– Что? – онемела я.

– Делай себе свой маникюр, только не трепи мне нервы. Я работаю, между прочим,
пока вы тут развлекаетесь. Мне надо отдыхать. Черт, все настроение испортила!

– Я? Я развлекаюсь? – окончательно онемела я. Не выдержала, бросила на пол губку,
которую держала в руке, села на пуфик в коридоре и заплакала.

– Что с тобой? Ну-ну, не надо! – испугался он.

– Надо! Ты вообще ничего не понимаешь, тебе плевать! Я тут весь день корячусь, а
тебе что – кажется, что я развлекаюсь?!

– Ну... нет, конечно. Это, в общем, тоже дела сложные... наверное, – робко пожимал он
плечами. По всему его виду было понятно, что дела мои он считает чем-то вроде расклады-
вания фотографий в фотоальбомы. Дело муторное, требующее и времени, и вкуса, и каких-
никаких усилий, но... в целом непильное и, что самое главное, никому на фиг не нужное.

– То есть только ты тут работаешь, а я загораю? То-то у меня кожа как у вампира – снег
белый и тот загорелее!

– Ну, успокойся ты. Через пару недель все навестаешь.

– В каком смысле? – От острой обиды на жизнь я все поперезабывала.

– В Турции, – услужливо пояснил муж. – Там и отдохнешь от меня наконец. Тебе дей-
ствительно надо отдохнуть, ты почему-то какая-то нервная.

– В Турции? – переспросила я, чуть не задохнувшись.

Все мысли этих двух дней хлынули и поглотили меня. Мне так много надо было сказать
мужу, но ничего этого я сказать ему просто не могла. Я так решила. Решила, что буду мол-
чать, и едва не давилась этим молчанием. От такого напряжения я зарыдала, просто завyla
белугой. Уронила, как говорится, лицо в ладони. Лешка, конечно, не зверь, при виде женских
слез он немедленно отступает. Он обнял меня за плечи, сказал все положенные в таких слу-
чаях успокоительно-бессмысленные слова, отвел меня в спальню, велел девочкам меня не
беспокоить (ха-ха, как будто меня беспокоят они!). В общем, он проделал все то, что раньше
моментально вернуло бы мне ощущение справедливости и внутрисемейного счастья. Когда
удовно, но не сегодня. Сегодня мне не стало легче. А стало еще хуже, потому что после
стресса (а скандал для меня – всегда стресс) я долго не могу заснуть. Я лежала в кровати,
совершенно голая, потому мой муж всегда любил, чтобы я так спала. За эти годы я привыкла
так спать, зная, что в любую минуту могу прижаться всем телом к любимому теплому и род-
ному человеку – моему мужчине, но теперь жалела об этом. Мне захотелось надеть самую
толстую и страшную пижаму на свете. Я смотрела в потолок, слушала Лешкин храп и вдруг
отчетливо понимала, насколько я теперь несчастна. И что я совершенно ничего не могу с
этим сделать. Это то, с чем мне теперь придется жить.

Глава 3, в которой я уклоняюсь от своего долга

27 мая, воскресенье

Вечеринка

Маникюр обяз.!!!

Завтра девчонки

Полить цветы

Погладить платье

Достать яду

Основное правило хорошей вечеринки, по крайней мере мое, Юлии Светлаковой, – никогда не ленись в мелочах. Конечно, можно ограничиться жареной курицей и салатом «оливье», особенно если на столе стоит много спиртного. Когда кончается выпивка, закуска становится просто едой. Так, кажется, говорят. Что ж, я старалась, чтобы еда была не только закуской, а застолье не сводилось к одной еде. Я всегда любила сервировать стол. Кружевные салфетки, вилки к вилкам, ложки к ложкам, фигурно порезанные помидорки и половинки клубники на салатах. Что, разве плохо, когда вокруг все красиво? Горят свечи, звучит приятная музыка, на коленях лежат плотные накрахмаленные салфетки...

– Я не уверен, что не ошибусь, где какая вилка, – бурчал Лешка поначалу, глядя на все мои приготовления.

Но у нас дома, в смысле, в доме у моего отца приемы были в порядке вещей. Вся преподавательская интеллигенция частенько стекалась в наш дом, чтобы побалагурить и посплетничать, а моя мама неутомимо украшала наши вечера разного рода ничего не значащими, совершенно необязательными безделушками и «фишками». Это называлось атмосферой.

– Если ты ошибешься с вилок, все это переживут, – успокаивала я мужа.

Но это было излишним. Он быстро освоился и с большим удовольствием использовал эту нашу семейную традицию, если требовалось произвести на кого-то впечатление. Естественно, ведь в тиши и уюте нашего дома, сидя за красиво сервированным столом, он смотрелся очень благополучным, домашне-семейным, надежным, как антикварный комод. Сама основа нашего общества – семьянин с большой буквы, с приятной женой, которая к тому же совершенно недурно готовит. Так это выглядело со стороны. Так и я сама о нем думала, когда стелила крахмальные скатерти и планировала меню. В этот раз составленное мною меню было особенно сложным. Я так решила еще в пятницу, когда достала с полки свою самую толстую и сложную кулинарную книгу – «Изыски французского стола». Мне захотелось выступить как-то по-особенному.

«Зачем ты это делаешь? Чего тебе надо? Он же спит с другой, скажи ему, что вообще не будешь ничего делать! Прогони его прочь!» – кричало мое оскорбленное подсознание, но я продолжала листать книгу, прикидывая, успею ли достать к воскресенью баранину нужного качества. Конечно, я успела. Чего я хотела? Чего я хотела на самом деле? Ну... может, просто отвлечься, занять себя чем-нибудь. Начать готовиться к приему еще с пятницы – разве не выход?

– О, что это ты задумала? Будет седло барашка? – Муж заглянул в книгу через мое плечо.

Я вздрогнула и захлопнула ее.

– Ты меня напугал. Не подкрадывайся ко мне сзади.

– Это еще почему? – игриво уточнил он, хлопнув меня по ягодицам.

Я прикусила губу. Молчи, молчи, молчи.

– Ты сможешь купить баранину на рынке? Мне надо успеть еще сто тысяч дел, – говорила я.

– Смогу. Но, может, ты не будешь так уж сильно заморачиваться? Тебе не тяжело? Ты в последнее время все больше устаешь, не хочется тебя загружать.

– Так что, ничего не надо? – строго спросила я.

Лешка подошел ко мне и обнял. Я вся внутренне сжалась.

– Нужно, конечно. Ты всегда делаешь все как надо, верно? Это мой шеф, конечно же, это важно. Просто не переусердствуй.

– Договорились. – Я отвела глаза, но Лешка взял меня за подбородок и поднес свои губы к моим.

Я еле сдержалась, чтобы не вцепиться ему в его бесстыжее лицо. Господи, возможно, вот эти самые губы несколько часов назад целовали другую женщину, какую-то «Н.», которая считает меня дармоедкой. Что бы ей самой не организовать ужин для Лешкиного босса?

– Где девочки? – с намеком прошептал муж.

– У меня нет настроения. У меня опять болит голова, представляешь. – Я выскользнула из его рук и отвернулась.

Леша молча внимательно рассматривал меня, не сделав больше ни одного шага. Я чувствовала, как его взгляд прожигает мне спину, но тоже не стала поворачиваться. Кажется, именно в этот момент я поняла, что больше не хочу его, не хочу с ним спать и вообще не хочу к нему прикасаться. Интересно, а у Карины было так же? И как долго это продолжалось? А потом, потом прошло?

– Ладно, – сказал наконец он. – Я куплю баранину.

– Отлично, – кивнула я, и больше мы к теме поцелуев и нашей личной жизни не возвращались, чему я была и рада, и нет одновременно.

Это странно, но именно это я и чувствовала. Дома ничего не поменялось, все было, как всегда, но мне все казалось почему-то незнакомым и даже опасным. Даже когда я просто шла в кухню или в туалет, было похоже, что я иду по минному полю. Поэтому я постаралась больше не совершать резких движений и полностью сосредоточилась на приеме. Да, если уж надо проявить себя, я решила сделать это на все сто. Пусть этот подонок увидит, какая у него прекрасная жена. Пусть поймет, что другой такой нет и быть не может. Я в мыле готовила эту чертову вечеринку и даже себе самой напоминала маньяка, который сворачивает лебедей из бумажных салфеток, хотя так и не сделала маникюр. Я была как то самое ружье, которое висит на стене с самого первого акта. Так что, как вы сами понимаете, я не могла не выстрелить. Впрочем, поначалу все было просто прекрасно. Девочек забрали мои родители, босс и его жена по достоинству оценили мои старания, муж был доволен как никогда.

– Боже мой, как же тут у вас все красиво и празднично! Юлечка, честное слово, у меня нет слов. – Босс с нескрываемым изумлением обзирал парадную, наряженную, как новогодняя елка, гостиную.

– Вот и не надо ничего говорить, присаживайтесь. Располагайтесь, будьте как дома, – щебетала я, прилепив на «Момент» мою самую широкую радушную улыбку. Приклеенная улыбка болталась на лице почти весь вечер. Я кивала жене босса и поддакивала мужу, когда он в очередной раз говорил, как приятно ему работать под началом такого умного, дальновидного директора, который видит на сто шагов вперед и всегда во всем бывает прав.

– Это не совсем так, – слабо возражал тот, впрочем, довольно ухмыляясь.

Лесть – как жирный гамбургер. Все понимают, что это очень вредно и ничего не даст, но порой хочется, ой как хочется! Верно? А я уносила грязные тарелки, приносила чистые, благодарила за комплименты, доставала из холодильника десерт. Все было просто прекрасно.

Я даже вполне естественно улыбнулась, когда Лешка в очередной, сто тридцать первый раз за последний год, поднял тост:

– Ну, что ж, выпьем за то, чтобы каждому из нас иметь то, что имеют те, кто имеет нас.

– Ха-ха-ха! – расхохотался босс.

Его жена тоже растянула губы в подобие улыбки, хотя я никогда не понимала, почему мужики так любят всякие грязные тосты и анекдоты. Так или иначе, они любят.

– Юлечка, десерт просто великолепен. Вот зря все-таки Ника не смогла приехать, вот уж кто сладкоежка, да, Леш? – неожиданно обронил босс, уплетая мою малинку в сливочном соусе с маскарпоне.

Что? Кто такая Ника?!

– Ника? – улыбнулась я еще шире, стараясь запомнить расположение губ на лице, чтобы, если что, не переместить их и не поменять общее выражение лица. – Кто это?

– А, это наша с Алексеем коллега, они с вашим мужем как раз и запускали новую линию, очень способная девушка. Жаль, что она не смогла приехать. Да, жаль. А почему она не приехала, Леш?

Босс спросил просто так, без задней мысли. Его, судя по виду, малина со сливками интересовала куда больше. Но Леша весь напрягся и внутренне собрался. Все же как плохо, что я так хорошо его знаю. Видно даже, что у него поднимается давление, начинает биться жилка на виске. Бедный, что это с ним?

– У нее курсы английского как раз по воскресеньям. Куда-то далеко ездит, – с трудом выдавил мой дорогой, чуть ли не покрывшись красными пятнами.

– Курсы? Могла бы вообще-то и прогулять ради такого случая. Все-таки не каждый день новые линии запускаем, да еще такие крупные. А хотя... и ладно. Пусть учится. Хороший английский – это большая редкость. Вот я, к примеру, так и не смог его выучить. А ты, Леш?

– Я тоже с трудом, – задумчиво пояснил муж.

Думал он о чем-то другом, и я подозреваю даже о чем. Или о ком.

– А ему и ни к чему, за него всегда я говорю, – усмехнулась я, не сводя глаз с мужа.

– Да? А вы знаете язык?

– В юности я три года жила с папой в Англии, он там преподавал в университете по контракту. Так что с тех пор довольно-таки свободно говорю по-английски. Вот Алексей и расслабился.

– Еще бы, с такой-то женой. Я его прекрасно понимаю, – улыбнулся босс.

– Да уж, – вымученно скривился в улыбке муж.

Я все еще держала улыбку, представляя, что еще раз сажаю ее на клей. Чтобы ни на миллиметр!

– Да, а наша Ника только начала учиться. Но она упертая, так что выучит обязательно. Впервые вижу столько амбиций у двадцатипятилетней девчонки.

– Сейчас такие девчонки пошли! – игриво засмеялась я, выпив одним махом полный бокал вина.

Алексей и жена босса переглянулись, а мне было плевать. Мне становилось все веселее.

– Это верно. И, кстати, Леш, теперь понятно, почему она так любит сладкое. Ей для мозгов нужно. Сахар при учебе тратится в десять раз больше. А ты – ты тоже чего-то учишь? Тебе сладкое, между прочим, вредно. Представляете, Юлечка, они с Лешкой однажды на двоих слопали целый торт. Вот такой! – Тут босс отставил в сторону пустую десертницу и показал руками размер торта, причем выглядело довольно неприлично. – Да, прямо никому не оставили.

– А как же так получилось? – неожиданно заинтересовалась жена босса.

– Действительно, как так? – присоединилась я.

– А, так. Моей секретарше этот торт поставщики мяса привезли. Ну... как бы для налаживания отношений. Она в холодильнике-то его и оставила. А утром уже все, торт кончился. Какой он хоть был? – Босс с усмешкой глянул на Алексея.

Тот откашлялся и пробасил:

– Безе. Он вообще маленький был.

– Маленький? Не верю, – развеселилась я.

– Мы проверяли техническую документацию. Там такие тучи бумаг были, я просто в них зарылся, вы же помните...

– Да брось ты, чего ты, ерунда. – Босс тоже начал хихикать.

А мне становилось все смешней и смешней, особенно из-за того, что Алексей реально метал громы и молнии своими взглядами и глупо оправдывался. Да, если бы это была другая девушка, мой Лешка хохотал бы сейчас вместе с нами. Он бы в деталях изобразил, как и почему они слопали этот торт. Он бы предложил оштрафовать его в десятикратном размере, а потом привез бы на работу реально огромный торт, и вся контора бы об этом еще год рассказывала. Это все сделал бы мой Лешка. Мой. Но теперь это был другой человек.

– Дорогой, как ты мог?! Надо было подумать о руководстве, – укоризненно покачала я головой, еле сдерживая смех. – И что, так-таки никто больше ни крошки не съел? И как, вам было потом не совестно?

– Я подумывал объявить им обоим выговор, но они так прекрасно работают, что я посчитал, что мне будет выгоднее запастись тортами, – ухмыльнулся босс, весьма довольный своей шуткой.

Муж сидел блее белое, а я вдруг представила себе эту самую Нику, голую, наглую, наверное, красивую, но в любом случае моложе меня на десять лет, слизывающую крем с кончиков на маникюренных пальчиков!

– Запастись тортами! Запастись тортами!!! – хохотала я так, что даже босс остановился и с изумлением смотрел на меня. – Нет, вы меня простите, но это очень смешно. Запастись тортами.

– Да? Да, смешно, – робко кивнула жена босса, о которой я вообще забыла, хоть она и сидела прямо рядом со мной.

– Это совершенно не смешно! – вдруг громко и очень зло заявил Алексей.

Я дернулась от неожиданности, и от этого моя приклеенная улыбка сорвалась и слетела на пол, где разлетелась на куски. Меня перекосила гримаса отвращения.

– Это еще почему? Ты лопаешь торты на пару с коллегой. Как ее? Ника? Отличная история, разве нет?

– Нет. Прекрати немедленно. Ты ведешь себя неприлично.

– Я? Я веду себя неприлично? Я? – Я вскочила со своего места. – Знаешь что? С меня хватит!

– Хватит? Вот и отлично, – «обрадовался» он. – Уверен, тебе лучше уйти.

– Прекрасно, – процедила я и выбежала за дверь.

В коридоре я остановилась, прислонилась разгоряченным лбом к холодной стене и попыталась выровнять дыхание. Что это со мной? Зачем я это все устроила? А вдруг это все не так, вдруг мне показалось, вдруг это не она? Да, к черту, какая разница, она это или не она. Есть же какая-то «Н.», и этого достаточно!

– Она в последнее время много нервничает. Знаете, может, возраст, – донесся до меня голос мужа. Голос был удрученный и подавленный.

– Возраст? Она же совсем молодая женщина, – удивился босс.

– Ну... я не знаю. Может, это из-за того, что она ничего не делает, ничем не занимается.

– О господи! – Я сморщилась и убежала на кухню.

Не понимаю, как это вдруг моя жизнь так изменилась. Еще вчера у меня была прекрасная семья, чудесный муж, дети. Откуда в его голове вообще весь этот бред? Ничего не делаю, это он обо мне?

– Вы прекрасно выглядите, Юлечка, – сказал мне на прощание Алешкин босс, сочувственно пожимая руку. Наверное, этим он хотел меня как-то подбодрить, но даже если и так, это у него не очень-то получилось.

Алексей закрыл дверь и посмотрел на меня. Я собралась было что-то сказать, но он меня опередил:

– Я ничего не хочу обсуждать. Я поеду и попробую как-то сгладить все это. А ты останься и попытайся успокоиться.

– Леш! – окликнула его я, но он так и не посмотрел на меня.

Он суетливо натягивал обувь, от спешки у него дрожали руки. Он пытался как можно быстрее покинуть наш дом. Я устало прикрыла глаза. Зачем я буду ему мешать, если сказать-то мне ему вообще нечего?

Он уехал, а я выпила снотворного, запив его полным бокалом вина, и уснула. Момент, когда мой муж вернулся домой, никак не зафиксировался в моей памяти...

На следующий день, почистив зубы, наглотавшись аспирина и насадив на нос темные очки, я уехала из дома с еще спящим мужем. Я с трепетом миновала всех служителей ГИБДД, забрала детей от родителей, отвезла их в школу, закинула в химчистку зимние вещи, забрала пиджак и отправилась к девчонкам. На этот раз мы наметили к дегустированию японский ресторан в Конькове, а так как мы жили неподалеку, я долетела до него за десять минут.

– Вау, Светлакова, ты что, дебоширила всю ночь? – спросила Любка.

– Что, все так плохо? – огорчилась я. Мне хотелось думать, что дочери в машине хранили гробовое молчание по какой-то другой причине, а не из-за моего дикого внешнего вида.

– Очень, – кивнула Машка.

– Что случилось? – обеспокоилась Каринка.

– Ой, девчонки! – Я обвалилась на диван и принялась выкладывать всю подноготную, прерываясь на всхлипывания и заказ бизнес-ланча.

– Да как он мог!

– Вот подонок!

– Все они одинаковы!

– Нет, но чего ему-то не хватает! – наперебой щебетали верные подруги. – Ведь такой жены ни у кого нет.

– Да бросьте, ничего во мне такого. Машка вон готовит лучше, – хлюпала я носом. – И маникюр я не сделала.

– У тебя просто не было времени.

– И платье мое любимое еле налезло, – причитала я.

– Но налезло же, – подбодрила меня Машка, у которой тоже были проблемы с весом.

– А ты уверена, что все правильно поняла? В таком деле ошибка смерти подобна. Может такое быть, чтобы эта СМС была про что-то другое?

– «Когда твои дармоедки уедут? Я купила новое кружевное нижнее белье...»

– А вдруг это ему по ошибке прислали? – задумчиво протянула Любка. – У меня такое было. То есть не у меня самой, а у меня на работе. Одной девке повадился мужик один звонить. Телефон путал. Так вот, путал-путал, а сейчас она от него беременна.

– Ну? И что? Что в этом успокоительного? – набросилась на нее Машка.

А Карина неожиданно для всех нас ляпнула:

– Надо точно узнать, кто она, а потом навести порчу! Да, это прекрасно помогает.

– Что? – оstonбенили мы. Кстати, небезыntересная идея.

– Между прочим, я так и сделала, – пояснила она и, увидев наши удивленные лица, добавила: – Тогда, ну, вы помните.

– Да-да, – запоздало закивали мы. По общей договоренности, с тех самых пор тему Борькиного вероломства мы вообще никак не обсуждали.

– И что, помогло? – спросила я. – И как узнать, что перед тобой не шарлатан?

– Методом проб и ошибок, – со знанием дела заявила Каринка. – К сожалению, диплома у них не попросить, а даже если и попросишь, все равно они у них у всех есть. Дипломы каких-нибудь академий магических изысканий имени черного мага Во.

– Почему Во?

– Потому что «во как дорого». В общем, надо искать. Я тогда месяц мыкалась, пока не нашла одну. Потомственная ясновидящая, двести процентов гарантия.

– Двести процентов не бывает, – уперлась Любка.

– Ничего, чем больше, тем лучше, – отмахнулись мы.

– Конечно! Только надо заполучить какую-нибудь вещь разлучницы.

– Это я не могу, – огорчилась я. – Я даже не уверена, что это именно та самая Ника с работы. Может, он с ней просто торт ел, а есть еще какая-то «Н.».

– Надо вещь. Обязательно, – категорически заявила Карина. – Или фото. Кстати, мужики ужасно неосмотрительны. Надо чуть-чуть последить, и он обязательно спалится.

– Да? Я следить не умею. И как-то это противно все. Да и вдруг не поможет эта шаманка. Только деньги переведешь, а у меня их и так в обрез. Только на хозяйство. Я даже на миостимулятор лица накопить не могу, – пожаловалась я.

Машка с опаской посмотрела на меня. У нее был этот самый миостимулятор, но она мне его никак не давала, хотя сама почти им не пользовалась. Говорила, что начнет завтра, но мы-то знаем, что она иногда просто жлобится.

– А я считаю так: надо клин клином выбивать. Наставь ему рога, – быстро предложила она, чтобы просто перевести тему.

– И чем это ей поможет? – удивилась Карина.

– Ничем. Но восстановит мировую гармонию и равновесие. И вообще, все присутствующие здесь согласны, что наша Юлька – настоящий клад? Да?

– Тут не поспоришь, – закивали подруги.

– И что этот идиот просто сам себе яму роет? Да? – продолжала Машка. – Тогда мужу по закону полагается только двадцать пять процентов. Я считаю, что надо срочно пристроить оставшиеся семьдесят пять!

– Да, но как? Это же не так просто, – возмутилась Любка. – Все-таки в метро она почти не ездит, в супермаркетах уже давно никто ни с кем не знакомится. Может, в школе? У вас там водятся папаши?

– Не-а. – Я грустно покачала головой. – Только мамыши. Сплошняком.

– Голяк.

– А я знаю верный способ познакомиться, – ухмыльнулась Машка. – Апробировано! Стопроцентный результат.

– Ну и?

– Только он звучит немного странно... – заюлила она.

– Выкладывай, – нависли мы над ней.

– Хорошо. Все очень просто. Надо просто попросить кого-то из знакомых мужчин написать твой телефон на стене в мужском туалете, – выпалила она.

Любка, опрометчиво делавшая глоток чая именно в этот момент, от накатившей волны смеха начала плевать чаем. Каринка уронила голову на стол и просто сотрясалась в немых конвульсиях, я же просто хохотала, представив, насколько эффективным может быть этот способ знакомств. Машка краснела и обижалась.

– А что такого? Надо только туалет выбрать попримечнее. В торговом комплексе!
– О господи! – вытаращилась Любка, отодвигая подальше чай.
– Между прочим, одна моя знакомая таким способом замуж вышла.
– Девки, держите меня, – простонала Карина. – Я сейчас кончусь!
– Ну и ладно. Не хотите – не надо. А между прочим, туда все мужики ходят. И чаще, чем в клуб! – Машка зло смотрела, как мы размазывались по стенам и столу.
– Машка, я тебя люблю. Все, у меня окончательно поднялось настроение. И я ничего уже не хочу! – Я обняла ее и расцеловала в обе щеки.
– Да, но про порчу не забудь, – добавила Каринка, немного успокоившись.
– Не забуду.
– Это обязательно, а то потом поздно будет, – гнула она свою линию.
– Почему поздно? – удивилась я.
– Да потому, что потом она наведет ее на тебя. И проблем станет в сто раз больше.
– Господи, как ты можешь верить в такую ерунду?! – скривилась Машка. – А может, ну его? Пинок под зад и начать новую жизнь?
– Ну нет! – хором ответили мы ей.

Я вытерла слезы (как радостно, что эти слезы – от смеха) и допила свой кофе. Мы посидели еще, перебрасываясь новостями, которые блекли на фоне супружеской неверности моего мужа. Под конец Любка рассказала анекдот про одного безымянного мужа, который вышел из дома за хлебом, а вернулся только через два дня. Причем с хлебом. А на все вопросы о том, где его носило, смеялся и отвечал, что просто очередь была большая.

– Очередь была большая! Нет, ты представляешь?! – хохотала Машка, вкладывая в счет чаевые.

Ресторан, кстати, нам не понравился. Васаби было мало, имбирь вообще был какого-то серого цвета. Да и рис не дотянул. В этот ресторан мы больше не вернемся, и за него мы не голосуем.

– До понедельника.
– До понедельника.
– Ну, ты держись, – хором пожелали мне подруги.
– Слушай, хочешь, я дам тебе свой миостимулятор? На время. Я сейчас им все равно не пользуюсь, времени нет, – спросила Машка, сделав над собой титаническое усилие. Такой шанс упускать нельзя.
– Спасибо, – кивнула я и села в машину. – Это было бы просто здорово.
– Так ты заедешь за ним?
– Обязательно. На днях, – улыбнулась я и тронулась с места.

Мне было почти хорошо, я получила свою дозу сочувствия и понимания. Кто бы сомневался, ведь, в конце концов, для этого и существуют друзья. Для этого и для того, чтобы было у кого занять на время прибор для миостимуляции лица. Но главный вопрос, который мучил меня вот уже неделю, простой русский вопрос «что делать?» так и остался без ответа. Хотя прогресс налицо, варианты озвучены. Можно ничего не делать, можно наставить мужу рога. Хотя с кем? И как, если мне совсем ничего не хочется, а давать объявление в мужском туалете я не готова. Можно, конечно, попытаться насладиться порчу на эту стерву. Почему «стерву»? По определению. А можно... послать все к черту.

Разум подсказывал избегать последнего варианта, как огня. А сердце, сердце слушать мы не будем.

Глава 4, в которой я убеждаюсь, что, если муж дарит цветы без причины, значит, причина все-таки есть...

28 июня, четверг

Уборка

Вымыть транспорт

Разобрать чемоданы

Закупить продукты

Реанимировать

цветы

Записаться к врачу

Фокачу – скачать

После отпуска, как известно, не так-то просто войти в прежнюю колею. Черт его знает, что такое эта самая «прежняя колея» и что в ней хорошего, чтобы в нее входить. И вообще, может быть, лучше прокатать какую-то новую колею, чтобы все стало по-новому? Но нет, стоило мне вернуться домой, как я моментально испытала облегчение. Родные стены, родной сонный город, моя родная «восьмерка» «Жигули» с чуть подбитым глазом-фарой справа... Надо ее, кстати, помыть, что-то она запылилась.

Так, вносим в список.

Вот ведь парадокс, моя самая большая мечта в жизни – жить в доме из белого камня, из окон которого открывается бескрайняя морская синь. И вот три недели в примерно таком месте: в окнах белые яхты, бороздящие Средиземное море, на улице теплый бриз и всяческая нега. Все включено, причем так, что девочек можно вообще целыми днями не замечать, так они будут заняты едой, водными горками и аниматорами. Красота – отдыхай, расслабляйся, принимай пенные ванны и плавай в соленой воде, что, как известно, омолаживает и оздоравливает. Рай за умеренные деньги плюс при желании можно было последовать совету подруг и наставить-таки мужу рога с кем-нибудь из обслуживающего персонала. Все они, эти смуглые темпераментные красавцы с сильными руками, метали на меня молнии из-под черных пушистых ресниц. Все они с каким-то необъяснимым вожделением рассматривали меня вместе с лишним жирком по бокам и морщинами под глазами, которые я, кстати, старательно обрабатывала Машкиным миостимулятором все эти три недели. Не уверена, что результат был на самом деле, но уезжала я из Турции загорелая, уверенная в себе, обласканная сальными взглядами молодых турецких мужчин, но так и не нарушившая супружеской клятвы. Почему? Ну, уж точно не из любви к супругу. Если честно, как-то просто руки не дошли. Так было хорошо просто лежать, слушать музыку в плеере и лениво листать детективы, что вставать и идти кому-то улыбаться было откровенно лень. И потом, как-то все-таки это противно. Чем, скажите на милость, я досажу мужу, если отдамся где-то в массажном кабинете какому-то совершенно незнакомому и малоинтересному, по большому счету, мужику, даже не говорящему по-русски. Он бы даже имени моего не смог запомнить. Да что там, он бы его даже не произнес правильно. Сказал бы, что я – Джули. А у Любки, между прочим, так собачку зовут – Джули. Нет уж, спасибо. Так что я вернулась в спящую полуночную Москву честной женщиной, как это ни досадно.

– Вау, Юлька, как вы загорели! Ты посмотри только, это что за красотки! – широко улыбнулся Лешка, едва завидел нас в проходе, в толпе, ползущей с чемоданами от таможенного терминала. Он стоял совсем другой, летний, в длинных, до колена, шортах и светлой

футболке-поло. Улыбка сияла на чуть потемневшем от загара лице, что свидетельствовало о том, что солнце тоже пробивалось иногда через густой московский смог. А в руках он держал букет цветов.

– Привет. Это мне? – прохладно кивнула я, на самом деле еле сдержав неподходящие случаю слезы. Почему, ну почему я по нему так соскучилась?! Почему, когда он вот так мне улыбается, мне хочется, чтобы я всю эту историю с его изменой просто придумала, а на самом деле мы с ним по-прежнему все еще самые близкие и родные друг другу люди?

– Ага, а кому же? – обиделся он. – Слушай, ты прямо помолодела лет на десять. Шикарно выглядишь.

– Ты тоже ничего. Так по какому поводу цветы? – все еще держалась я. Надо не забывать, кто передо мной. Нельзя расслабляться, а то потом будет еще больней.

– Просто так. Разве любящий муж не может подарить своей жене цветы? Я соскучился.

Он притянул меня к себе и принялся целовать. Я закрыла глаза и попыталась думать о чем-нибудь другом. О море. О детях. О нашей многострадальной Родине... Но когда Лешка целует меня, думать о чем-то еще совершенно невозможно. Действительно, он просто прекрасно целуется, так нежно, так страстно, что хочется сразу выкинуть белый флаг и обо всем забыть.

– М-м-м, а ты по мне скучала?

– Не очень, – хитро улыбнулась я. – У меня там были целые толпы поклонников.

– Ах так?! – притворно нахмурился он. – Но я надеюсь, ты помнила, что принадлежишь мне?!

– Ну... не всегда. – Я включилась, сама того не заметив, в нашу любимую игру. И до самого дома мы перебрасывались намеками, полунамеками, четвертьнамеками. Алешка потихоньку, чтобы сонные девчонки не заметили, поместил руку ко мне на коленку и по сантиметру продвигался вверх, заставляя меня покрываться красными пятнами и судорожно оглядываться на заднее сиденье.

– Что ты творишь? – шипела я на него.

– А что такое? Имею право! – весело подмигивал он мне.

В общем, до спальни мы добрались в полуобморочном состоянии и еле дождались, пока дочери вычистят свои зубки и закроют свои глазки. Все было так, как не было давно, очень давно. Я даже на секунду подумала, что, может, действительно все уже прошло, окончилось, как сильный ветер. Чуть пошатало, поломало ветки деревьев, однако пронеслось мимо, не разрушив самого главного. Фундамента нашего не затронуло.

– Я тоже по тебе скучала, – тихо прошептала я, когда Лешка уже уснул и даже начал похрапывать. У него было усталое лицо совершенно счастливого взрослого мужчины, я положила голову к нему на плечо и закрыла глаза.

Наутро он очень быстро собирался, как всегда теряя по дороге ключи от машины (он забросил их на верхнюю полку шкафа в прихожей), запихнув бумаги не в ту папку, в которую нужно, и во всем обвинив меня:

– Ты их просто куда-то переложил. Я вот тут их оставлял.

– Я вообще не видела никаких бумаг. Посмотри в портфеле повнимательнее.

– Ну... нет их нигде. Видишь, нету!

– А вот в том отделении?

– Там их не может быть, по определению.

– Но ты посмотри!

– Да зачем?

– Затем! – Я улыбалась. Мы так давно не виделись, что именно эти его крики и вопли и были для меня своего рода «старой колеей». Именно через это я моментально почувствовала, что я дома.

- А почему они тут? Как они тут оказались?
- Откуда мне знать? – пожала я плечами. – Пей свой кофе и выметайся, пока еще что-нибудь не потерял. У меня тоже много дел.
- Много дел? Интересно, каких? Ты же только приехала, – удивился муж.
- Ну, прибраться в квартире, чемоданы разобрать, все такое.
- А, это. Да тут у нас все вроде в порядке.
- У кого это у вас? – застыла я.
- У кого? У нас с тобой, – задержался он в дверях. – Я это имел в виду.
- А. Понятно, – кивнула я и закрыла за ним дверь.

Именно в эту минуту я поняла, что на самом деле все совсем не в порядке. Буря никуда не делась, не прошла, а именно сейчас-то я и стою в ее эпицентре, прямо посреди торнадо. А вокруг меня кружит и вертит бушующая стихия куски домов, машины, тряпки... и почему-то живую, мычащую корову.

Я вздрогнула, тряхнула головой и вернулась в дом. Итак, нечего предаваться скорбным мыслям, принимаемся за дело. Что бы он ни говорил, а квартиру следует приводить в порядок. Всегда, когда мы с девочками возвращаемся из отпуска, нас ожидают горы невымытой посуды (как будто сложно включить посудомойку), тучи пыли под кроватями, черные от копоти подоконники и, конечно же, почти погибшие в летней жаре цветы, которым так и не досталось ни капли влаги за все время нашего отсутствия. Это было самое настоящее бедствие. Что бы я ни делала, как бы ни писала мужу записки, куда бы я их ни вешала – ничего не помогало. Я даже пыталась звонить ему и напоминать.

- Полей цветы.
- Ага.
- Полей их прямо сейчас!
- Ага, полью.
- Нет, ты встань и прямо немедленно пойдешь, налей воды из крана, только не горячей, и вылей ее в горшки с цветами. Ладно?
- Ну что ты меня считаешь каким-то дегенератом. Сказал – полью, значит, полью! Отстань!
- Польешь?
- Полью! ПОЛЮЮ!!! – мог криком кричать он.

Однако за все двенадцать лет нашей супружеской жизни так ни разу и не полил. Поэтому, сами понимаете, первым пунктом из своего дневного списка я выбрала именно мои дорогие цветочки. И вот тут-то меня и ждал вполне очевидный, но не ожидаемый мной сюрприз. Да, конечно же, это естественно, что, раз в доме появлялась женщина, цветы оказались политы. Хотя, если бы она была умнее, она должна была проигнорировать все мои записки (они висели на холодильнике, так что она, конечно же, их видела). Она обязана была остаться к ним равнодушной и дать моим цветам тихо погибнуть. Но... нет. Она, видимо, не из таких. Она, значит, женщина сердобольная, и все мои цветы были не просто политы. Они были даже залиты, потому что некоторым из них просто не нужно было столько воды. Причем, несмотря на то что земля в цветах была увлажнена излишне, на подоконниках не наблюдалось никаких подтеков. Если бы это был мой муж, если бы только ему в голову пришла все-таки эта странная мысль поливать мои цветы – он бы точно оставил грязную воду мирно сохнуть до моего приезда, ибо уж вытирание подоконников – дело сугубо женское и недостойное мужского авторитета.

- Машка, она была тут! – зарыдала я в трубку, побросав все дела.
- Ты уверена?
- Да, она поливала мои цветы! Она вытирала мой подоконник!

– Этого мало, – категорически заявила она. – Я сейчас к тебе приду, будем искать вместе.

– Может, не надо? – забеспокоилась я. Собирать внеочередной девичник я не собиралась.

– Спокойно, Дубровский, я Маша. И я знаю, что делаю, – заверила меня подруга и повесила трубку.

К сожалению, вся наша компания жила в опасной близости друг от друга, так что Машка могла дойти до меня в считанные минуты. Мы и перезнакомились-то в свое стародавнее время на детской площадке, регулярно выгуливая в местном парке нашу детвору. В общем, остановить Машку было уже невозможно. Какое-то время у нее ушло, чтобы поставить под ружье Любку и Каринку и привести себя в божеский вид. Но в результате через час в моем доме шастали наподобие группы криминалистов, снимая отпечатки и рассматривая все под лупой, Машка и Каринка. Любка временно не смогла, у нее на этот день были куплены билеты в цирк, но обещала нагрянуть попозже, как только освободится, а пока Машка сосредоточенно шарила по моему дому.

– Тут явно пылесосили. И вытирали пыль с телевизора, – прищуривалась она, изображая из себя Холмса.

– Нет, Ватсон, телевизор Лешка сам мог протереть. Может, ему было просто плохо видно, – возразила Кариночка.

– Почему это я – Ватсон? Это ты Ватсон! – обиделась Машка.

– Неважно, кто Ватсон, девчонки, – примирительно пробурчала я. – Важно, что у него в холодильнике есть и еда, и продукты. Вон в сковородке что-то такое... как бы плов, что ли? Только почему-то жира много и все слиплось. Кто так готовит, это же месиво! И морковь там горелая, это вредно. У меня бы Лешка такого и ложки не съел.

– А мог он это сам сварганить?

– Ни за что. Он не знает, с какой стороны холодильник открывается. И где вилки лежат. Ему все надо подать и накрыть. А потом убрать.

– И все же плов, тем более такой вот жирный, он мог купить готовым, – предположила Каринка.

– Да, но такого никогда не было! – возразила я.

– Ну и что? – пожала плечами Машка. – Это ерунда. А вот то, что вся посуда, включая кастрюли, чистая, – это плохо. Стал бы он отмывать кастрюли? Никогда и ни за что. Максимум бы сполоснул. А тут ни жирных разводов, ни остатков еды, засохших по краям. Безобразие!

– Да уж, и все-таки это все – улики, конечно. Но улики косвенные, – огорчилась Машка.

– Мам, а чего это вы тут делаете? – удивленно спросила Дашка, обзрев перевернутую вверх дном кухню. Они с Лилькой были предусмотрительно отправлены мной на детскую площадку.

– Вы вернулись? – фальшивенько улыбнулась я.

– Ага. Мы голодные.

– Голодные? – растерянно повторила я. За всем этим расследованием еды-то я как раз и не сделала. И чего, кормить теперь их пельменями или жареными яйцами, в которых холестерин?

– Может, им плова дать? – тихонько предложила Машка.

– Ты что, с ума сошла? – вытаращилась Каринка. – А вдруг эта сучка через него колдует? Порчу насылают?

– Нет, ну ты ненормальная просто, – возмутились мы с Машкой.

– Знаешь, мам, мы попозже придем, ладно? – с опаской огляделась Дашка и исчезла.

Вот и правильно, вот и хорошо. Умные дочери.

– Так, девки, надо убираться. А то еще Лешка вернется, увидит весь этот бардак, и что? Как я ему все это объясню? – скомандовала я, и мы еще пару часов складывали все обратно на свои места.

Я выкинула плов (гадость какая заколдованная), еще раз полила цветы (пусть пьют из моих рук), закупила в супермаркете моих привычных продуктов, а заодно захватила бутылочку (две) красного винца. Все-таки мы с девчонками не виделись почти месяц, так что нам было о чем поболтать. Мы четырежды обсудили моего мужа, но потом выдохлись и просто сидели, трендели, обсуждали грандиозные способности Машкиного миостимулятора (она его уже забрала и сунула к себе в сумку, но все равно ей спасибо). Я рассказывала о турецких мужчинах, в том ракурсе, что русская женщина с ее лишним жирком на талии и попе – там настоящая королева красоты.

– Слушайте, как бы нашим мужикам объяснить, что женщина и должна быть мягкой и округлой. А то, чтобы им понравиться, надо превратиться в скелет. При этом им надо подавать пончики и борщ с пампушками.

– Н-да, несправедливо, – согласились мы.

В общем, день плавно перетек в вечер, я приготовила говядину в вине, и хотя все возмущались, что это перевод продукта, но лопали с огромным удовольствием. И Любка позволила нам, сказала, что уже вернулась из цирка (как будто ей дома клоунов не хватало!), и обещала присоединиться к нам, как только накормит всех своих троглодитов и наглядит мужу на брюках стрелки. У него завтра, видите ли, важные переговоры, а судя по нашим голосам, мы пьем, а это значит, что вряд ли она, Любка, сможет отгладить их после визита ко мне.

– Да, мы пьем. Красное вино. И, между прочим, оно для здоровья полезно, так что ноги в руки и дуй к нам, – потребовала Машка.

Вечер становился все приятнее, и когда, часам к семи, Любка все-таки дотопала до нас, мы были уже тепленькие-претепленькие. Нет, не то чтобы пьяные. Чего там опьянеешь с бутылки-другой вина? Просто на душе было хорошо, а на мужа стало вдруг наплевать. Может, действительно, он сошел с ума и принялся готовить, убирать и поливать цветы? А что, у всех по-своему протекает кризис среднего возраста! Так что, когда я открывала дверь Любке, мир уже не казался совсем уж отвратительным.

– О, Любовь, проходи! Тебя-то нам и не хватало. Ты вина не принесла? – балагурила Машка, а Каринка (ох уж эта вечно тихая и заботливая Каринка!) уже убирала со стола и ставила для Любки чистую тарелку.

– Маш, подожди, – отмахнулась от нее Любка, сосредоточенно обкусывая губы. – Юлька, ты сядь.

– Чего? Это ты сядь, – улыбнулась я, забирая у нее из рук пакет.

– Надо поговорить. Сядь, говорю!

– Да мы и так тут целый день только и делаем, что говорим, – ухмыльнулась Машка. – И сидим.

– Да утихомирься ты! Я тут кое-что видела. То есть слышала. Юль, ты только не волнуйся. Там... там в коридоре, ну, там... на лестничной клетке..

– Что? – Я моментально протрезвела и побледнела. – Что случилось?

– Ты сядь.

– Да говори ты! – потребовали все.

– В общем, там твой муж. Я просто не стала лифт ждать и пошла по лестнице. Лифты у вас черте-те как ходят, пока дождешься, лопнуть можно. Да и полезно это, по лестнице ходить, – тянула она. Вид у нее был растерянный.

– Я ее сейчас убью, – разозлилась Машка. – Будешь ты говорить?

– Буду, – кивнула она. – В общем, я услышала его голос.

– Чей? – не поняла я. Хотя Любка изъяснялась предельно ясно.

– Мужа твоего. Все-таки у него голос такой, что не перепутаешь. И потом, сколько я его по телефону слышала. И так, вживую. В общем, я как-то сразу поняла, что это он. И короче, он там стоял, прямо за дверью, и разговаривал. С ней.

– Откуда ты знаешь? – побледнела я. – Откуда ты так уверена, что с ней?

– Он называл ее «солнышко» и говорил, что он обязательно что-нибудь придумает. И что тоже ее хочет. И что ты ни о чем не догадалась, – выпалила Любка.

– Что? Что он сказал?! С этого места поподробнее! – потребовали все. – Дословно!

– Да не орите вы, он же в любой момент придет! – рявкнула Любка. – Ну, в общем, так. Он сказал: «Солнышко, я обязательно что-нибудь придумаю, – потом помолчал и сказал: – Нет, она не догадалась, все нормально. – Потом, кстати, довольно зло так сказал: – И не надо форсировать события, я сам все буду решать. Сейчас, – говорит, – не время. Она, – говорит, – сейчас не в лучшей форме, я не могу с ней так поступить. – А дальше так примирительно: ну... как-то там он ее назвал. – Я тоже тебя люблю. Но я просто не могу, ты же знаешь. Она все-таки моя жена...»

– Как назвал? Ты не расслышала, что ли? – разозлилась Машка.

– Я все расслышала. Я же стояла от него в метре. Знаешь, как я дергалась, что он меня обнаружит?

– Фу, как ты выражаешься, – скривилась воспитанная Каринка.

А мне было плевать, хоть что, лишь бы услышать конец этого весьма познавательного рассказа.

– Ну, извиняйте. А я именно это и делала. Он стоял и мог услышать, наверное, как я старалась не дышать. Но он был так занят разговором, что вообще ничего не замечал.

– Так как назвал? – переспросила я.

– Кажется, рыбкой. Нет, не рыбкой. Как-то по-дурацки... А, рыбенком. Да.

– Повтори! – еле сдержалась, чтобы не заорать, я.

– Рыбенком, через Ы. А что такое? – Она растерянно смотрела на мое побелевшее лицо.

– Вот подлец, е-мое! – прорычала Машка.

Я же молчала. Можно было, конечно, опять убедить себя, что все не так и не то. Договориться с собой. Только вот... рыбенок. Именно так Лешка когда-то звал меня. И дочек он тоже именно так звал, когда бывал особенно нежен. Рыбенком ты мой, рыбенок. Это его слово, именно его и больше ничье. Вот и все понятно. Все ясно, так что утрите и знайте, что ваш муж любит другую женщину. Которая даже плов не умеет готовить. А со мной он просто «не может так поступить». Причем не вообще, а именно сейчас. Потому что я не в лучшей форме. Ха-ха! Три «ха-ха»! Что-то вчера в постели он совсем не жаловался на мою ужасную форму.

– Ты уверена, что он именно так сказал? – жалостливо обняла меня за плечи Каринка.

– Уверена, – трагически кивнула Любка. – Я уверена, что она хочет вас развести.

– Кошмар! – закрыла рот рукой Каринка.

– Постой, а сейчас он где? – спохватилась Каринка.

– А, он что-то в машине забыл. Он еще после разговора чего-то стоял там, у лифтов, кажется, курил. Я уже думала, мне к вам вообще не попасть, придется отползать. А тут он взял и ушел. Перезвонил еще раз ЭТОЙ и ушел, кажется, в машину.

– Это так на него похоже, – кивнула я, удивляясь странному спокойствию, снизошедшему на меня.

Машка с подозрением меня осмотрела.

– Да, я ж вам не сказала самое главное, – спохватилась Любка. – Он же снова ей перезвонил. И сказал, чтобы она ждала его завтра. В ресторане, он сказал: «Жди меня на Таганке в ресторане, в обед».

– Юль, у твоего мужа нет любимого ресторана на Таганке?

– Есть, – еще спокойнее ответила я. – Это рядом с его работой. Там рядом «Шеш-Беш», он в него часто ходит.

– Ну, значит, завтра в обед. Он во сколько обычно обедает? – продолжила было Любка, но тут мы все услышали, как хлопнула входная дверь.

Я вздрогнула и отвернулась, пытаясь за оставшуюся секунду справиться с собой. Девчонки, как по команде, замолчали и принялись ковыряться в тарелках.

Алешка скинул сандалии и прошлепал в носках на кухню.

– Привет честной компании. А я и не знал, что у нас тут так весело.

– Да уж, мы времени зря не теряем, – выпалила Любка, злобно сверля его взглядом. Но мужчины не чувствует такого, иначе от моего взгляда в спину его бы разорвало на куски.

– Вот и молодцы. Юль, а у нас есть что пожрать?

– Пожрать? – Я задумалась, можно ли мое мясо по-французски в красном вине пожрать. – Нет, пожрать нет. Но ужин есть.

– Отлично, – кивнул Лешка и плюхнулся на табурет.

Я подошла к плите и стала наваливать ему еду, считая про себя до ста, чтобы не сказать ни слова. Ни слова. Месть – это блюдо, которое подают холодным, хотя мне очень хотелось облить дорогого супруга обжигающе-горячим соусом, чтобы стереть самоуверенное выражение с его постаревшего лица. Но... надо досчитать до ста. Надо дожидаться завтра, надо швырнуть ему все обвинения в лицо и так, чтобы он не смог отпереться, сказать, что у меня нервы и что я сама не понимаю, что несу.

– Вкусно? – спросила я, просто из интереса. Может, он уже полностью перешел на жирную невкусную пищу своей любовницы, пока меня не было?

– О, сказка! Вот именно по этому самому я соскучился страшно.

– Кушай-кушай, – улыбнулась я и посмотрела на девчонок.

Кажется, я выглядела в этот момент так страшно, что испугала даже их. Но Лешечка кушал.

– Ну, а у тебя как прошел день? – из чистой вежливости спросил он.

– Прекрасно, просто восхитительно! – широко улыбнулась я.

– Да? Вот и отлично.

– Да. Я-то думала, что буду целый день убираться, но оказалось, что мои многолетние призывы наконец-то как-то разом до тебя дошли, так что... выяснилось, что все у нас в доме почти идеально, так что я просто весь день развлекалась.

– Вот и молодец, – напрягся и побледнел муж.

– Да, отдельное спасибо за цветы. Воды в них, правда, немного даже перелили. В другой раз так не упорствуй. Поливай не чаще двух раз в неделю. Ах да. Извини уж, но плов ты готовишь плохо, так что мы с девчонками его выкинули, – продолжала я как ни в чем не бывало.

– Плов? – совершенно бездарно растерялся Лешка.

– Ну да, тот, что ты в сковородке оставил.

– Ах да. Это я... просто попробовал. Надо же хоть раз в жизни что-то состряпать. Но видишь, я без тебя не могу справиться, – неуверенно сочинял на ходу муж.

– Нет-нет, ты прекрасно справляешься, – ухмыльнулась я.

Вдруг я со всей отчетливостью поняла, что если еще хоть на минуту останусь в одном контуре с ним, то непременно взорвусь. Это все было как-то слишком для меня. Любить его теперь – невыносимая тяжесть. Словно на меня обрушилась бетонная плита. Я больше совсем не могла его любить, я не могла смотреть, как он ест, слушать, как он врет, ждать, когда он меня предаст.

– Юль, мы пойдем, пожалуй, – аккуратно кивнула Машка, поймав паузу, и направилась к выходу.

– Нет! – вскрикнула я. Я очень боялась остаться с ним наедине. – Я с вами.

– С нами? – удивилась она.

Я посмотрела на Лешку. Он застыл с ложкой в руке, не зная, как на все это реагировать. В обычные дни он немедленно напомнил бы мне, что подружки подругами, а семья в первую очередь, и что и так мы уже весь день проболтали, и что ему тоже нужно мое внимание и забота. И что, конечно же, он слишком устал, чтобы оставаться с нашими шумными дочками один на один...

– А что? Пойдите погуляйте. Погода прекрасная, а ты и так три недели была одна с детьми.

– А дочки? – поинтересовалась я.

– Мы справимся. В конце концов, они уже не такие маленькие. Да, мы вполне справимся без тебя, иди повеселись, – ласково улыбнулся он.

И от этих его слов меня окончательно перемякнуло. Я схватила первый же попавшийся платок, повязала его на шею и, стараясь не встретиться с Лешкой взглядом, молниеносно обулась, схватила сумку, сунула в нее кошелек и вылетела из собственного дома, как из пыточной камеры.

Относительно свежий воздух ночной Москвы растрепал мои темные длинные волосы, а в глазах застыли слезы. Я почти ничего не видела перед собой. Мы отлично справимся без тебя! Нет, так дальше продолжаться не может.

Глава 5: ирония судьбы, или с легким угаром!

*28 июня,
все еще четверг
Ненавижу!*

Детскую площадку только по ошибке можно считать местом исключительно детского выгула. И существует довольно-таки стабильный график ее эксплуатации. Рано утром, часов до семи, на площадке производится выгул собак, что негативно сказывается на ее экологии, но сделать с этим ничего нельзя. Собаки вместе с хозяевами делают свое черное или мокрое (по потребностям) дело и отчаливают на работу. Далее, в промежуток с семи до девяти утра на детской площадке проходит опохмел перебравшего с вечера населения. В это время она преимущественно принадлежит мужчинам и с детьми туда лучше не соваться, если, конечно, вы не хотите, чтобы вас обкурили и стрельнули у вас полтинничек на пиво. Мимо опохмеляющихся бодро пробегают утренние бегуны, пьянчужки провожают их презрительными взглядами, как салаг, ничего еще не понимающих в настоящей взрослой жизни, полной бед и треволнений. Бегуны же, как правило, так погружены в себя, что ничего этого не замечают.

Далее начинают подтягиваться мамы. Причем сначала очень хорошие мамы, живущие по режиму, а потом все более ленивые и нерадивые. К двенадцати площадка ломится от кричащих и скачущих по горкам и качелям деток, а мамы сидят на лавочках и покуривают, обсуждая новости. Затем процесс принимает обратный характер, и мамы уходят в строго противоположном порядке. Самые ленивые уходят первыми. Около двух на площадке начинается тихий час, и только старушки, совершающие дневной мотон, могут посидеть на лавочке, шурясь на солнце. И до самой темноты площадка открыта для всех желающих, но после заката власть меняется и на столы, становясь ногами на лавочки, взбирается шпана. Молодые и горластые подростки с пивом и запасом сигарет окончательно замусоривают периметр, гнут недогнутые в прошлый раз качели, чем производят неизгладимое впечатление на раскрашенных под «вампи» подруг. В темноте площадка становится тусовкой, и подходить туда простым смертным опасно.

Когда мы с девчонками выпорхнули дружной толпой из моего семейного склепа, в котором по ошибке мы жили, как живые люди, уже темнело. Настроение было странное: то ли водки выпить, то ли зарезать кого. Возможно, что и то, и другое в тот момент было бы для меня в самый раз. Мы подошли к столику и, как заправские хулиганы, сели на него, поставив ноги на лавочку. Видимо, все дело в том, что в темноте не видно, грязная лавка или нет, так что рисковать не хотелось. Сначала мы просто молчали. Потом Каринка вздохнула и приобняла меня за плечи. Все оживились.

– Не, ну как он врал, как он врал! – закатила глаза Машка, кивнув в сторону подъезда.

– Надо же что-то состряпать! – фыркнула Любка. – Да у него на лбу написано, что он и пельменей не отварит себе сам.

– Не, девчонки, скажите на милость, почему он ничего не убрал? – возмутилась Карина. – Неужели же трудно было догадаться, что плов надо выкинуть.

– А цветы подсушить. И пыли нанести, – хмыкнула Любка. – Ты в своем уме? Мужики вообще о таких вещах не задумываются. Это все она – бабища его, – это она хотела о себе знак подать. Говорю тебе, у нее все это не просто так. Развести она его хочет, сучка такая. Ну ничего. Ничего, мы ей устроим. Она у нас попляшет. Шиш ей с маслом, а не нашего Лешку, верно?

– Конечно! – кивнула Машка. – Завтра мы ее отловим и отмудохаем.

– Я не умею мудохать, – возразила Кариночка.

– Ничего. Зато у Любки удар левой прекрасный. Помнишь, как она своему мужу синяк поставила? – усмехнулась Машка.

Любка покраснела.

– Я же просила, девки, не надо напоминать. Я ж была не в себе.

– Так и сейчас надо уже выходить. Из себя-то, – пожала плечами Маша. – Верно, Юль?

– Знаете, спасибо вам большое за все, но я, пожалуй, пойду, – ответила я, глядя, как подростки, нахмурившись, проходили мимо детской площадки.

Мы заняли их место, и теперь они не знали, куда деваться, так что маячили перед нами, всеми силами давая понять, что время благовоспитанных мамаш уже закончилась. Гейм, как говорится, овер.

– Проходите, детки, проходите. Не толпитесь. – Машка махала рукой так, словно перед нами были не подростки, а стайка жадных голубей на площади. – Ты о чем, Юль?

– Пойду я, – повторила я.

– Пойдешь? Куда? – не поняла Маша.

– К метро, – пространно пояснила я, испытыв странное желание закурить. Вообще-то я курить не умею, а тут вдруг, глядя на этих детей, захотелось почему-то попробовать. Нет, не то чтобы я никогда не пробовала. Когда-то давным-давно – когда деревья были большие.

– Юль, ты чего? – окрикнула меня Любка.

Я с трудом вынырнула из мыслей и посмотрела на нее.

– Я в порядке, – успокоила я ее.

Но она почему-то замолчала и напряглась. Возникла неловкая пауза, девчонки переглянулись, обеспокоенно оглядели меня с ног до головы.

– Уверена? Куда ты собралась?

– Мне... мне надо побыть одной. Вы только не волнуйтесь, ладно? Завтра увидимся.

Я старательно сдерживалась, чтобы не встать и не уйти просто так, без всяких объяснений. Мне хотелось, чтобы все они убралась, исчезли. Просто в одну секунду испарились, забрав с собой и весь этот дурацкий мир в придачу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.